

Вопрос **Инфо**

Уважаемые участники!

Олимпиадное задание по направлению «Филология» состоит из инвариантной части: трёх обязательных заданий (№ 1, № 2 и № 3). Это означает, что вам нужно постараться решить все задачи и ответить на все вопросы, чтобы претендовать на призовые места.

Все задания выполняются в этой системе: решения вносите в специальное поле для ответов. Вы можете пользоваться черновиком (в качестве черновика разрешено использовать чистые листы бумаги, перед началом олимпиады покажите их на камеру), но на проверку он не предъявляется. Желательно в конце состязания также показать черновики на камеру.

Использование сторонних ресурсов и справочных материалов строго запрещено.

Верим в ваш успех!

Вопрос **1**

Балл: 35,00

Дайте развернутый ответ на один из вопросов.

1. Представьте, что у Вас появилась возможность организовать международную онлайн-конференцию по интересующей Вас проблематике. Какую тему Вы бы выбрали, какие ее аспекты предложили бы обсудить коллегам? Кого из исследователей Вы пригласили бы прочесть вступительную лекцию и выступить в роли дискуссанта?
2. Какие подходы к изучению переводной литературы и ее места в истории принимающей культуры Вам представляются наиболее продуктивными? Аргументируйте Ваш ответ.
3. Как Вы считаете, меняются ли содержание и установки филологических исследований под влиянием развития компьютерных технологий, digital humanities и искусственного интеллекта? Какие направления таких исследований кажутся Вам наиболее перспективными? Какие аспекты исследований, наоборот, кажутся наименее продуктивными? [в своем эссе Вы можете отвечать на один, наиболее интересный вам вопрос].

Вопрос **2**

Балл: 35,00

Выберите одно из предложенных высказываний и прокомментируйте его: поясните и контекстуализируйте позицию автора, а также изложите вашу точку зрения на затронутую проблему. Рассуждения проиллюстрируйте примерами из конкретных художественных произведений.

Жизнь литературы не исчерпывается выходом в свет книг и журналов с новыми стихами,

Заключительный этап Олимпиады студентов и выпускников «Высшая лига» 2023-2024 уч.г.

романами и рассказами. Прилавок книжного магазина, на который ложится в ожидании покупателя новая книга, — это нечто вроде эстрады, на которой является артист перед публикой. Кроме этой «эстрадной» жизни, у литературы, как и у других искусств, есть жизнь более интимная, но еще не уходящая в область быта вообще, а только скрещивающаяся с ним. Список всех книг, появившихся за какой-нибудь период времени, еще не дает полного представления о литературной жизни. <...> Писатель работает не в одиночку, а бок о бок со своими единомышленниками, товарищами по ремеслу и т. д. Образуются «кружки», «группы», устраиваются собрания, заседания или просто «вечеринки». Эти формы общения меняются, то приближаясь к наиболее «домашним», то развертываясь в сторону большей общественности или публичности — как меняется самый тип литератора от поэта-дилетанта до журналиста-профессионала, как меняется и сама литература, от альбомной лирики до газетного фельетона.

(Б. М. Эйхенбаум, «Литературная домашность»)

Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов, действительно, является основной особенностью романов Достоевского. Не множество судеб и жизней в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетаются здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события. Главные герои Достоевского, действительно, в самом творческом замысле художника не только объекты авторского слова, но и субъекты собственного непосредственно значащего слова. Слово героя поэтому вовсе не исчерпывается здесь обычными характеристическими и сюжетно-прагматическими функциями, но и не служит выражением собственной идеологической позиции автора (как у Байрона, например). Сознание героя дано как другое, чужое сознание, но в то же время оно не опредмечивается, не закрывается, не становится простым объектом авторского сознания.

(М. М. Бахтин, «Проблемы поэтики Достоевского»)

...ориентация на тот или иной тип памяти адресата заставляет прибегать то «к языку для других», то к «языку для себя» — одной из двух скрытых в естественном языке противоположных структурных потенций. Владая некоторым, относительно неполным, набором языковых и культурных кодов, можно на основании анализа данного текста выяснить, ориентирован ли он на «свою» или на «чужую» аудиторию. Реконструируя характер «общей памяти», необходимой для его понимания, мы получаем «образ аудитории», скрытый в тексте. Из этого следует, что текст содержит в себе свернутую систему всех звеньев коммуникативной цепи, и подобно тому как мы извлекаем из него позицию автора, мы можем реконструировать на его основании и идеального читателя.

(Ю. М. Лотман, «Текст и структура аудитории»)

Вопрос 3

Балл: 30,00

Прочитайте текст на том иностранном языке, которым вы владеете (английский, французский или немецкий) и резюмируйте его содержание (на русском языке). Обратите внимание на проблемы и задачи, которые ставит автор, на логику аргументации, основные выводы и положения текста. ВНИМАНИЕ: задание не предполагает подстрочный перевод текста, при его выполнении необходимо продемонстрировать навыки реферирования.

Английский язык

William Mills Todd III,

“Periodicals in literary life of the early nineteenth century” (1997)

A literature practiced in and by familiar groups developed slowly alongside the patronage system, which had sustained Russian literature during the eighteenth century, as Russian culture underwent

processes of secularization and westernization. But the salons and circles came to dominate Russian literary life during the first decades spanned by this outline. They became the locus of an institutionalization of literature that could give form and substance to the ideology of Russia's dominant cultural group, the enlightened westernized gentry, as it found its interests and orientation growing away, in very circuitous and complicated fashion, from those of the autocratic government.

Instead of a subservient relationship to a patron, the writer now enjoyed by convention a position of social and cultural equality with his or her immediate audience, and, indeed, the roles of author and audience in theory coalesced in this new way of literary life. Friendly criticism from the group could lead the author to revise his or her work, which was generally written to be recited for the group in the first place. An author established contact with the audience orally or through the medium of the neatly handwritten page (a letter, for example), and received direct critical response. What was called "the spoken language of good society" served as the dominant linguistic code of this literature, although controversies over the linguistic, aesthetic, social, and political ramifications of this norm did not cease until the 1840s and would figure in the later journals of the period, such as *The Library for Reading*, as it had in the earlier ones, such as *The Messenger of Europe*.

Any institutionalization of literature, even one so seemingly limited as the familiar groups (salons, student circles), engages literary life in some way with other cultural processes and, in turn, responds to them in keeping with its own structuring capabilities. The literature of familiar groups assumed educational, recreational, and entertaining functions. Literary composition that observed the conventions of polite society was, like dancing or duelling, a valued social skill, and a member of "society" acquired it both in school and at home. Beyond its role in the upbringing of the gentry elite, however, the practice of literature sought functions outside of the drawing room or study, first of all as an avenue of social mobility. Beyond this, literary people also sought a second public function: to play a role in the development of Russian society by contributing to the spread of civility, the amelioration of manners, and (by means of periodicals) the formation of public opinion. This second public function called on amateur writers to become journalists, but the path to journalism was by no means straight or unobstructed.

Французский язык

Nicolas Aude

«Les Vies imaginaires de Dostoïevski : destinées mondiales d'une légende biographique» (2021)

La vie de Dostoïevski dans son ensemble peut difficilement être qualifiée de légendaire au sens habituel du terme. Néanmoins, toute sa personne est entourée d'une brume de légendes, qu'il faudrait plus justement appeler des histoires invraisemblables.

En 1974, Boris Bursov pointait du doigt l'accumulation extraordinaire de bruits, de ragots et autres rumeurs plus ou moins malveillantes diffusées dans l'espace public, dès son accès à la célébrité littéraire à partir de 1846, pour salir la réputation de Dostoïevski. La notion de « légende biographique », telle que la développe Boris Tomaševskij dans son article de 1923 <...> excède néanmoins le spectre de ces phénomènes de réputation. En remettant en cause les postulats de l'histoire littéraire traditionnelle, Tomaševskij s'intéresse à la juxtaposition, plus ou moins réfléchie de la part des auteurs, entre les œuvres littéraires et les données du vécu. <...>.

La biographie dont l'historien de la littérature a besoin, écrit Tomaševskij, ce n'est ni un état de services [*liste des emplois et activités de quelqu'un au cours de sa carrière*] ni un dossier d'instruction mais la légende de sa propre vie créée par l'auteur, qui est la seule à constituer un fait littéraire.

Que l'on pense à l'image de l'épileptique visionnaire, à celle du bagnard de Sibérie, au mythe tenace du « Sade russe » ou encore aux errances du joueur à travers les villes d'eaux rhénanes, nombreuses sont les directions dans lesquelles s'est déployée l'écriture de la légende dostoïevskienne depuis plus d'un siècle. <...>

La mythologie biographique dostoïevskienne connâtra néanmoins son véritable essor à partir de l'Âge d'argent. A cette époque, l'image légendaire d'un Dostoïevski « mi-démoniaque, mi-saint » se diffuse dans bon nombre d'articles. Dans la trajectoire de vie de l'écrivain, c'est le « mélange contre-nature de réactionnaire et de terroriste » qui retient particulièrement l'attention de Dmitrij Merežkovskij. Les critiques de cette génération prendront l'habitude d'adjoindre au portrait littéraire de Dostoïevski des traits démoniaques caractéristiques de ses personnages. Aucune biographie de

grande ampleur n'émerge néanmoins de cette production critique éclatée. Les années 1920-1930 marquent un tournant. L'époque voit tout d'abord l'aboutissement de plusieurs chantiers éditoriaux majeurs, à commencer par la première édition scientifique des œuvres complètes en treize volumes de Dostoïevski et par celle de sa correspondance en trois tomes. De nombreux mémoires, recueils de témoignages et autres documents biographiques sont publiés durant cette période qui débouche, en 1935, sur la parution d'une somme remarquable : *Vie et travaux de F. M. Dostoïevski : une biographie en dates et documents* [Жизнь и труды Ф. М. Достоевского : биография в датах и документах] réalisée par Leonid Grossman.

Немецкий язык

Folie, Sandra

«Frauenliteratur – Weltliteratur – Berührungspunkte» (2022)

Obgleich sowohl das Konzept als auch der Terminus Weltliteratur bereits im 18. Jahrhundert nachweisbar sind, kann Goethe als Diskursivitätsbegründer im Foucault'schen Sinne begriffen werden – als ein Autor, der «die Möglichkeit und die Formationsregeln anderer Texte» bzw. «eine unbegrenzte Diskursmöglichkeit» geschaffen hat. Diese fiel keineswegs zufällig mit der Entstehung der akademischen Disziplin der *littérature comparée* zusammen, für die neben Goethe auch Madame de Staël sehr viel Vorarbeit geleistet hat. Auf ihren Reisen und in ihren Salons kam sie mit den berühmtesten Intellektuellen Europas – unter anderem auch mit Goethe – in Kontakt und schrieb neben Romanen, Dramen und autobiographischen Schriften auch literaturtheoretische und -geschichtliche Beiträge. Durch die in letzteren angestellten, länderübergreifenden Vergleiche literarischer wie auch soziologischer Art – ihren sogenannten *esprit européen* – ging sie als Vorläuferin der Literatursoziologie und der Vergleichenden Literaturwissenschaft in die Literatur – und Wissenschaftsgeschichte ein. Aus komparatistischer oder auch weltliterarischer Perspektive ist neben *De la littérature* (1800) vor allem ihr Buch *De l'Allemagne* (1810/1813) interessant, in dem sie die Deutschen aus ihrer »französischen« Sicht porträtierte, was sowohl in England als auch in Frankreich großes Interesse an den deutschen Ländern weckte.

Ihre vorteilhafte Darstellung, insbesondere der deutschen Literatur, stellte jedoch auch «eine nicht zu unterschätzende Provokation des französischen kulturellen Selbstbewußtseins» dar, weshalb ihr Buch »im nationalistischen Klima des beginnenden Bonapartismus« zunächst verboten wurde. Goethe, der im Hinblick auf die Rezeption seiner Werke im Ausland von de Staëls Buch nur profitieren konnte, nannte es – noch Jahre vor seiner Fertigstellung und Veröffentlichung – in einem Eintrag in den *Tag- und Jahreshften* (1804) ein mächtiges Rüstzeug [...], «*das in die chinesische Mauer antiquirter Vorurtheile, die uns von Frankreich trennte, sogleich eine breite Lücke durchbrach* <...>».

In der Folge kommunizierten beide Seiten, die deutschen Länder und Frankreich, insbesondere aber Weimar und Paris, intensiv miteinander u.a. über die Zeitschriften *Über Kunst und Altertum* (1816-1832) und *Le Globe* (1824-1832). Goethes übernationale Ansätze und Bemühungen – er las neben Literaturen in verschiedenen europäischen Sprachen auch Übersetzungen aus dem Chinesischen, Persischen und Sanskrit – kulminierten in seiner Idee von der Weltliteratur. <...>

Weltliteratur ist bei Goethe nicht rein quantitativ im Sinne einer Menge aller Texte verschiedener Sprachen und Qualitäten zu verstehen, sondern eher als Möglichkeit eines erweiterten übernationalen Kanons. Obgleich er »seine« Weltliteratur «sehr bewusst gegen das von den Romantikern propagierte Konzept der Nationalliteratur auf den Markt der Ideen brachte», sollte sie weniger als Gegenspielerin der Nationalliteraturen, sondern vielmehr als Vermittlerin zwischen diesen fungieren: «ein geistiger Gütertausch, ein ideeller Handelsverkehr zwischen den Völkern, ein literarischer Weltmarkt, auf den die Nationen ihre geistigen Schätze zum Austausch bringen».